

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 16

Д.В. Галкин

ИСКУССТВЕННАЯ ЖИЗНЬ КАК НИЗВЕРЖЕНИЕ ПЛОТИ: СТРАТЕГИИ ГИБРИДИЗАЦИИ

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научных исследований (тематический план НИР Томского государственного университета) № 6.4832.2011, а также при поддержке НОЦ «Социально-политические исследования технологий».

Рассматриваются философско-онтологические аспекты гибридации биологических и технологических систем. Обсуждаются концептуальные установки ранних модернистских экспериментов в рамках евгеники и искусственного оплодотворения (проф. И. Иванов и С. Воронов). На материале современных художественных экспериментов с технологиями и живыми тканями (Стеларк, Д. Дэвис, Дж. Редика, Гай Бен-Ари и др.) показаны различные стратегии и онтологии гибридации. Рассмотрен «синдром Преображенского» как сциентистская установка на создание искусственной жизни.

Ключевые слова: искусственная жизнь; гибридация; science art.

На рубеже XX–XXI вв. мы стремительно осваивали технологический миф цифровой культуры с его онтологией нематериального информационного мира интерактивных образов на экране. В этот мир современный человек погружается как в параллельную виртуальную вселенную. Но вот прозвенел звонок – звонок самой Истории – рингтон из четырех букв – «NBIC!», возвестивший о том, что материальный мир возвращается в виде новой технологической материальности – конвергенции нано- (Nano), био- (Bio), инфо- (Info) и когнитивных (Cognitive) технологий, которые оперируют конструированием новых материальных объектов и новыми параметрами материальности.

Этот эпохальный тектонический сдвиг бросает нам новые онтологические и антропологические вызовы, касающиеся пересмотра понятий о человеке, о сущности жизни, о границах природы и культуры, об основаниях нравственности и права. Это вызовы не только технологической конвергенции NBIC, но и новых социокультурных тенденций формирования культуры искусственной жизни. А там, где встает вопрос о пределах сущего и границах должного, обязательно появляется художник, поскольку для искусства нет более важной задачи, чем испытывать на прочность любые границы.

Прорвать границы плоти, совершить ее низвержение до строительного сырья – так можно сформулировать миссию современного биотехнологического искусства. Здесь современный science art как никогда близок научным экспериментам в медицине, нейрофизиологии, биологии. Сегодня для художника открылись новые возможности получать из биологического сырья новые формы жизни – искусственной жизни. Для этого используются различные стратегии гибридации, с помощью которых арт-экспериментаторы очерчивают горизонт возможностей для вторжения технологической материи в живую плоть и варианты жизнеподобных воплощений гибридных смесей из технологических систем с чем-то живым или хотя бы полуживым.

С методологической точки зрения мы сегодня совершенно вправе рассматривать science art (или научное искусство) как философскую и научную методоло-

гию, которая позволяет мысли постоянно находиться и в поле технологической материальности, и в поле культурных смыслов. Здесь вполне уместно использовать термин «гибрид» и как некий онтологический элемент, и как познавательный инструмент. С одной стороны, в строгом биологическом смысле гибриды есть торжество синтеза различных типов живой материи (в частности, в форме индивидуальных организмов). С другой стороны, гибриды – очень важная и полезная метафора, концепт, с помощью которого описываются социальные и культурные процессы. А что если уникальность и продуктивность стратегий гибридации как раз и заключается в том, что гибриды есть единство концепции синтеза и самой синтетической структуры – мысль, обретшая, собравшая в новом виде живую плоть? Софт, конструирующий свой хард?

Идея гибридного существа, конечно, не нова. Мы легко найдем ее в образе античных кентавров или средневековых монстров. Найдем в образах, но не во плоти! Разумеется, гибридность не раз обсуждалась в культурной теории. Вспомним Маршала Маклюэна, у которого логика развития медиа от устного слова до роботов представлена как логика двойной гибридации: формирование антропо-технологического гибрида (технологии как продолжение нашей нервной системы), а также разных гибридных форм медиа между собой [1]. Оду во славу киборгов – гибридов машины и человека – исполнили еще футуристы (достаточно перечитать «Первый манифест футуризма» 1909 г.), позднее тема была развита в теоретическом феминизме Донны Харзуэй [2], фантастической прозе в стиле кибер-панк (У. Гибсон) и современном трансгуманизме.

Однако чтобы инициировать гибридацию как стратегию, сначала необходимо концептуально и инструментально низвергнуть плоть с ее пьедестала индивидуального организма, уникальной живой формы на уровень биомассы – сырья для экспериментов и производства новой породы, при этом не умерщвляя ее, а радикально трансформируя. Такой жест предполагает вызов не только естественным границам биологической жизни, но также моральным ограничениям социального порядка и политической системы.

Многое из того, что делают сегодня художники и ученые, работающие с гибридами искусственной жизни, уже было опробовано и прожито в период расцвета модернизма в его большевистской версии. Закрадывается подозрение, что в душе настоящего технохудожника живет большевик (может быть, критический и ироничный), по-прежнему стремящийся найти материальный и прямой выход за пределы буржуазной морали и нравственности, привычных смыслов и установленных границ в пространство чистой возможности и радикально аморального жеста игры в Творца.

Если так, то понять и осмыслить искусственную жизнь через современное гибридное искусство поможет обращение к истокам. Что мы и предлагаем сделать на примере весьма показательном и ярком – попытке получить гибрид человека и обезьяны, предпринятой российским зоологом Ильей Ивановым и трансплантологом Сергеем Вороновым. Мы постараемся показать, что принципы и стратегии гибридизации, опробованные радикальной модернистской наукой и ее политическими покровителями, могут служить ключом к пониманию гибридизации в технологическом искусстве начала XXI в.

Пришествие гибридов: Ленин, лошади, обезьяны и женщины

Русский зоолог Илья Иванов вошел в историю науки как поборник искусственного оплодотворения скота, экспериментатор с помесями животных и пионер скрещивания человека и обезьяны. Этот профессор-интеллигент сумел бросить вызов основам мироздания – природе, науке, господствующей морали – и сделал это как настоящий ученый – последовательно и фанатично. В его работах мы наблюдаем последовательное низведение плоти до уровня строительного сырья.

Первый вызов был брошен одной из незыблемых функций живой природы – размножению и воспроизводству. Работы Иванова в 1910-х гг. сделали возможным искусственное оплодотворение практически в промышленных масштабах сельского хозяйства. Ученый и ветеринар способны вторгнуться в кажущийся естественным ход эволюции и не только пренебречь целым этапом сексуального воспроизводства, но и повысить его продуктивность. Таким образом, плоть скота как сырье для сельского хозяйства выступает инвариантом промышленной системы начала XX в. Профессор Иванов является одним из создателей российской индустрии биологического животноводства. Под его началом искусственное осеменение стало рутинной практикой коневодческих заводов еще в 1913–1914 гг. Любопытно, что в Европе этот подход нашел широкое применение почти на 30 лет позже, чем в России (история и оценка работы И.И. Иванова систематически изложена в статье К. Россиянова [3]).

Для Иванова искусственное оплодотворение было научно обоснованным методом и до некоторой степени креационистской амбицией: с помощью этого метода можно скрещивать различные виды животных и вполне обоснованно замахнуться на гибрид человека и обезьяны. Он мыслил гибридизацию универсально – как революционную технологию: человека можно улучшить

так же, как искусственное осеменение улучшает породу лошадей. Недаром буржуазная критика усмотрела в планах Иванова, поддержанных правительством большевиков, желание лидеров красной империи вывести новую расу сильных, трудоспособных, управляемых и неприхотливых биомашин. С точки зрения возможных гибридов живая плоть человека и животных рядоположены как экспериментальное сырье.

С какой целью власти, еще не оправившейся от разрухи страны, которая перенесла трагедию Гражданской войны, финансировали опыты по скрещиванию человека и обезьяны? Причин здесь может быть несколько. Большевики-марксисты проповедовали догму о примате физической материи и ее познании как единственно истинном. Идеи Иванова в точности вписывались в эту доктрину: материальное соединение двух биологически близких видов плоти через искусственное осеменение есть образцовое свершение большевистской науки.

Проект революции большевиков был заряжен неукротимой энергетикой переустройства мира, радикально отвергающего все моральные догмы христианской Европы, включая семейные устои, частную собственность, но самое главное – выделение человека из мира природы как особого существа, преодолевшего ограничения животного царства. Сила и радикальность аморального жеста как торжество новой советской республики и научной истины материализма – вот что безусловно сближало эксперименты Иванова и советскую власть.

Из тех архивных документов, большинство из которых было засекречено и стало доступно лишь недавно, очевидно напрашивается вывод, что Иванов работал над особым заданием большевиков (анализ архивных материалов представлен в историко-научной статье К. Россиянова [3] и популярной книге О. Шишкина [4]). Его отправили в Африку за обезьянами, которых планировалось использовать в качестве доноров для пересадки органов при операциях омоложения. Лидеры советской власти искали способ продлить себе жизнь с помощью хирургических методов, предложенных Сергеем Вороновым – хирургом, русским эмигрантом, который в 1920-х гг. успешно практиковал такие операции во Франции.

Доктор Воронов претендовал на открытие средства, восстанавливающего жизненную энергию и продлевающего жизнь. Он считал, что открыл главный секрет жизни, благодаря которому хирург-трансплантолог может возвращать молодость и здоровье. Идеи врача и ученого были изложены в небольшой работе под названием «Жизнь. Изучение средств восстановления жизненной энергии и продления жизни» [5]. В этом труде тогдашнего директора по экспериментальной хирургии лаборатории физиологии Колледж де Франс (позже многократно обвиненного в лженаучности) дается теоретическое обоснование методов трансплантологии для омоложения человека. Один из главных постулатов Воронова – причина смертности человека – кроется в той сложности структур и связей, которую образуют простейшие клетки в таких организмах, как человеческий. Их жизнеспособность поддерживают секреты половых желез. Обновление половых желез дает новый источник жизненной энергии. Из-за исклю-

чительного подобию организма человека и обезьяны Воронов предложил пересаживать людям железы половой секреции от обезьян.

Стратегия французского хирурга отличалась от подхода Ильи Иванова масштабом гибридизации. Вместо скрещивания видов предлагается прививка на уровне локальных органов – половых желез. Ожидаемый эффект – наблюдаемый и доказанный, как утверждал Серж Воронов, – омоложение организма и восстановление его жизненной энергетике. Иванов относится к гибридам как натуралист и рассчитывает на естественные механизмы скрещивания. Воронов идет путем хирурга-трансплантолога и пытается собрать гибрид из органов хирургическим путем. К тому же (и это важно!) Воронов видит в гибридных структурах своего рода энергетические станции, подзаряжающие батарейки молодости и долголетия.

Надеясь на действенность метода, Воронова ждали в Москве для спасения Ленина вплоть до смерти вождя в январе 1924 г. Он был единственной надеждой на омоложение и спасение еще не старого, но уже очень больного и изношенного тела лидера русской революции. Серж Воронов так и не решился вернуться в страну, из которой когда-то бежал. А стареющая элита большевиков была вынуждена изыскивать свои собственные ресурсы и возможности для поиска медицинских путей к бессмертию.

Во время своей научной экспедиции в 1926 г. Иванов посетил Воронова, с которым они провели совместно несколько операций над обезьянами. После этого Иванов добрался до французской Гвинеи, где привлек местных жителей к ловле шимпанзе и приступил к экспериментам. Всего человеческим семенем было оплодотворено три самки шимпанзе (все они впоследствии скончались во время транспортировки в Россию).

И здесь воля к истине, большевистская энергетика и вера в могущество материального аппарата научного эксперимента привели русского профессора к тому рубежу, за которым наука начинает стирать границы морали. Иванов стал настаивать на начале опытов по искусственному осеменению африканских женщин от самцов обезьян (женщины не должны были знать о сути манипуляций ученых и врачей). Однако работы были быстро свернуты из-за критических публикаций во французской прессе, разоблачавшей попытки советских ученых создать расу послушных обезьянолюдей.

Однако Иванов не пал духом и решил продолжить эти опыты дома в России (в специально открытом питомнике) с русскими женщинами – уже на исключительно добровольной основе с публичным набором подопытных самок человека. Однако эксперимент вновь сорвался – умер единственный половозрелый самец шимпанзе, привезенный из Африки. В 1931 г. сам Иванов был арестован за пособничество буржуазной науке, однако был отпущен из-под ареста и вскоре умер. Все документы по его проектам были засекречены, что позволяет предположить, что Илья Иванов мог получить какие-то результаты скрещивания человека и обезьяны и даже само гибридное существо.

В подходах Воронова и Иванова к созданию гибридных форм мы можем выделить несколько главных моментов, которые будут важны для нас при обсужде-

нии современного гибридного искусства. Во-первых, мы должны выделить структурную модификацию организма (тела) – внутреннюю и внешнюю. Во-вторых, гибрид может быть получен на основе естественного процесса размножения путем скрещивания (И. Иванов) либо хирургическим путем пересадки отдельных органов или тканей (С. Воронов). В-третьих, обретая свойства родительских организмов, гибрид обновляет их энергетическую систему, приобретая долголетие и молодость (С. Воронов). В-четвертых, гибридная структура должна иметь некую определенность с точки зрения ее новой индивидуальности и автономии поведения.

Художники-большевики: стратегии гибридизации

Хирург Серж Воронов и профессор Илья Иванов в компании большевиков открыли и проложили путь для тех, кто готов к дальнейшим экспериментам с плотью-сырьем и моральными границами общественного порядка. Сегодня, благодаря гибриднему искусству, мы знаем, что инвариантов стратегий гибридизации может быть больше, чем натурализм скрещивания в духе Иванова или трансплантология в духе Воронова.

Гибриды и альтернативная архитектура тела

Когда мы видим искусственное ухо на руке Стеларка («Ухо на руке», 2007) (Stelarc, «Ear on Arm»), то в данном случае гибридность носит практически буквальный биологический характер прививки одного вида другому и образования единой трансформированной плоти. Технически художник действует в русле трансплантологии Воронова – пересаживает и прививает новый орган. Однако этот орган выращен и сфабрикован полностью искусственно, опираясь на передовые достижения современной трансплантологии и тканевой инженерии. Он совершенно чужд и инороден исходному телу как по функции, так и по размещению в структуре плоти. Стеларк называет это «альтернативной анатомической архитектурой тела» [6], подчеркивая открытость тела человека как набора органов под кожной оболочкой практически произвольным трансформациям, таким как перемещение органа с головы на руку.

Более того, привитый протез или имплантат расширяет возможности тела как интерфейса, позволяя напрямую подключаться к технологическим системам. И если у Маклюэна медиа-технологии расширяют нервную систему человека, не вторгаясь в его плоть, у Стеларка это происходит практически на физиологическом уровне, поскольку далее этот гибрид уха и конечности прорастает в мир технологий – сетей передачи данных, интегрируясь уже не в экосистему организма, но в экосистему современных технологий. Таким образом, биологическая гибридность превращается в культурно-технологическую, расширяя границы тела за пределы кожи и привычных возможностей органов восприятия.

Это было бы невозможно, не будь тело художника превращено в сырье биотехнологического эксперимента и низведено с пьедестала уникального индивидуального существования на уровень инвариантного архи-

тектурного проекта. Однако поскольку третье ухо на руке художника интегрировано в структуру цельного живого организма, гибридизация приводит к образованию новой расширенной, но той же самой индивидуальности, комбинирующей свойства родительских «исходников».

Напрашивается вопрос: стабильна ли такая индивидуальность или правильное здесь будет говорить о нестабильной псевдоиндивидуальности с открытыми границами? Если можно создать гибридное тело с ухом на руке, то, вероятно, такая гибридизация может продолжаться на разных частях тела, его органах и тканях? Тогда мы могли бы предположить, что перед нами один из инвариантов эволюции и подобное искусство можно считать еще одним механизмом эволюционного становления. Зная другие проекты Стеларка и их документацию, должны ли мы задаться вопросом о том, что истиной этого трансгуманистического опыта альтернативной архитектуры тела является боль?

Гибрид как новый вид: техно-био-тварь

Пример гибридизации совершенно иного рода – работа «Полуживой художник» (MEART. The Semi Living Artist, SymbioticA, 2001–2006) австралийской группы «Симбиотика» (в сотрудничестве с нейрофизиологом из США Стивом Поттером. Пример того, как плоть-сырье используется в отчужденном от структуры организма виде (в духе трансплантологии Воронова) и рядопологается с материальностью технологической системы. Из соединения искусственно выращенной нейронной ткани крысы, робота-манипулятора и системы обратной связи (видеофиксация объектов и передача сигнала на нейроны через электродную подложку) мы получаем гибрид технологий и живой ткани – робот рисует под управлением нейронов полуживого художника-крысы. При этом нейронная ткань даже не является индивидуальным организмом или самостоятельным видом, как тело Стеларка с привитым ухом. Когда авторы говорят о такой гибридности как особом виде полуживого существования, смысл этой полуживой индивидуальности как раз в нераздельности гибридных составляющих [7]. Полуживой гибрид и есть некое существо – техно-био-тварь.

Его конфигурация и техника создания ближе к тому, к чему стремился в своих экспериментах профессор Иванов, смело скрещивая биологические виды. Но он делал это как натуралист. Скрещивание живых клеток с электромеханической системой робота, а также псевдоперцептивной системой видеофиксации не является природным процессом, хотя концептуально является аналогичной стратегией. И тем не менее то, что получается в результате гибридизации, обнаруживает некоторую степень индивидуальности и автономии в рамках той структуры и тех задач, которые ей заданы.

Биогенераторы: промышленные гибриды

В низвержении плоти до ресурса и технологий ее обработки просматривается стратегия индустриальной капитализации живого, последовательно реализуемая в сельском хозяйстве, медицине и быстро развивающей-

ся индустрии биотехнологий. На примере профессора Иванова мы уже видели, что такой подход был весьма эффективен при искусственном осеменении лошадей. Гибрид должен работать и производить. Этот акцент стал основой гибридизации в проектах Джо Дэвиса и друга Джеймса Аугера и Джимми Луазо.

Джо Дэвис конструирует из бактериального материала биоэлектрические устройства. Культивируя в лабораторных условиях бактерии, содержащие элементы для получения обычного резонансного контура, он обнаружил, что подобные магнетотаксисные организмы доступны в естественных водоемах. Так родился проект «Добывающая огонь» (Making Fire) (2008), в котором Дэвис подходит к решению проблемы безопасного и практически неисчерпаемого источника энергии, который художник, подобно Прометею, несет промышленной цивилизации, неумолимо приближающейся к экологической катастрофе [8].

В этом проекте нет установки на форму (как в архитектуре тела у Стеларка) или на создание нового вида «полуживых», как у SymbioticA. Гибрид Дэвиса должен стать промышленной системой производства энергии, но не чистым ресурсом (как нефть), а живым сырьем, обретшим промышленно значимую структуру – резонансный контур для получения электричества. Художник подчеркивает, что по производительности и эффективности промышленность современных обществ уступает естественной биопромышленности природы. Его решение как раз претендует на то, что индустриальный гибрид станет более природосообразным, чем существующие системы производства.

В проектах Джеймса Аугера и Джимми Луазо тема гибридности разрабатывается также в контексте производства энергии из биотоплива, однако предлагаемые решения – эстетически ироничные и дизайнерски изысканные – не претендуют на индустриальные масштабы. «Плотоядные домашние развлекательные роботы» (2009) («Carnivorous Domestic Entertainment Robots», 2009) – это скорее дизайнерские предметы интерьера (авторы называют свой подход критическим дизайном). Например, электронные часы, питающиеся от переработки пойманных на липкую ленту мух, оборудованы специальным реактором и используют в качестве биотоплива биомассу насекомых. Аналогичным образом стол, оборудованный мышеловкой и реактором для преобразования пойманных мышей в электричество, может питать домашний осветительный прибор. Похожим путем можно получать электроэнергию, присоединив биоэлектростанцию к таким ритуальным предметам, как гробы (проект «Загробная жизнь», 2010) (Afterlife, 2010), и заряжая от них батарейки для различных домашних устройств (лампа, игрушка, вибратор, плеер).

Не будем забывать, что проблема получения энергии на основе гибридизации стояла на повестке дня экспериментов Сержа Воронова и Ильи Иванова. Никакой иронии и никакого юмора – все серьезно! Воронов в принципе ставил вопрос о жизни как возобновляемой энергетике, которую, как он считал, генерируют половые железы. Для него, а следом и для Иванова, создание гибрида означало усовершенствование биогенератора человеческого организма – главного источника молодости и основного принципа омоложения.

В создании и использовании такой гибридной структуры ставки весьма высоки. И не только потому, что промышленная система получает новый возобновляемый источник энергии (и не столь уж важно, рассуждаем ли мы здесь в духе марксизма или неолитерализма). Биотехнологический гибрид обретает высокую степень автономии и живучести за счет интеграции в биосферу в виде имитации одной из функций естественного отбора, при этом насекомые и домашние грызуны обретают позитивную роль в антропоэкологии техногенной цивилизации.

Отчасти буквально, отчасти иронично эта тема раскрывается в проекте Тура ван Балена «Золотые голуби» («Pigeon d'Or») (2011). В нем полезность биоматериала выражена не через энергетический метаболизм, а через усвоение продуктов метаболизма в окружающей среде урбанистических систем. Голуби – городские обитатели, сосуществующие с человеком среди асфальта, стекла и бетона, – становятся генераторами мощных средств, распространяя их естественным путем дефекации. Эту способность птицы приобрели в результате поселения в их пищеварительной системе специально синтезированных бактериальных культур, благодаря которым пища голубей превращается на выходе в мыло. Подобно трансплантологу Воронову, Тур ван Бален прививает исходному цельному организму птицы некий внешний биологический элемент (но не чужой орган), меняющий цикл пищеварения. Вся манипуляция выглядит как промышленная операция установки фильтров на очистных сооружениях завода или фабрики.

Фестиваль ткани: гибридные «биоскульптуры» и игра в сотворение

Любопытную стратегию гибридизации мы обнаруживаем в работах, которые можно условно охарактеризовать как тканевые биоскульптуры. В их структуре практически отсутствуют технологические элементы, а на первый план выходят трансформации живой ткани. Джулия Редика (Julia Reodica) в своем проекте «ГимНекст» (Humpnext) представила коллекцию девственных плев, выращенных из вагинальных клеток художницы и дополненных биоматериалом крайней плоти новорожденных, гладкой мышцы аорты грызунов и бычьим коллагеном. Гибридная ткань женского организма, традиционно связанная с комплексом культурных контекстов вокруг брака и сексуальности в целом, существует как изолированный, лишенный хозяйского тела био-объект [8].

Как обезьяньи половые железы в операционной доктора Воронова, ткани плены обещают некое возвращение молодости и даже преодоление необратимости сексуального опыта в сумме с его моральной оценкой. Однако художница считает значимым представить набор гибридных тканей самих по себе, а в их структуре уже содержатся элементы, деконструирующие их человеческую уникальность и придающие им банальность заменяемого фрагмента кожи. Разумеется, скульптурность тканей в таком случае лишена формальной определенности и сама гибридность также не явлена визуально. На первом плане материальная структура живых тканей в их биологической натуральности и лабораторной искусственности.

Превращение плоти в сырье позволяет сделать следующий шаг и превратить в художественный жест сам процесс гибридизации. Речь идет не столько об обязательном документировании этого процесса или причислении этой фиксации к разряду (пост)произведения искусства. Вопрос в демонстрации могущества гибридных технологий (с многослойной и весьма ироничной интерпретацией). Именно такое ощущение возникает при знакомстве с проектом Гая Бен-Ари «In rotencia» (2012, работа впервые представлена на выставке Soft Control в Мариборе, Словения). Художник преобразует клетки крайней плоти обрезанного полового члена в нейронные клетки мозга. Дизайн проекта скульптурен и напоминает биоскульптуру «ГимНекст», но в гротескной форме фаллоса, сделанного в стиле стим-панк. Однако основной элемент проекта – не тривиальность тканей кожи или клеток мозга, а именно преобразующая сила iPS биотехнологий, встроенных в художественный концепт. Перед нами воплощенная мечта профессора Иванова – получить любой вариант преобразований живого организма. Только не путем видового скрещивания, а путем перепрограммирования клеток. Гай Бен-Ари демонстрирует нам красоту и могущество «божественного» инструмента в руках художника, играющего в сотворение из низвергнутой плоти.

Гибриды искусственной жизни: синдром Преображенского и технологическое бессознательное

Наблюдая успехи гибридного искусства и азарт игроков в сотворении живого, мы можем предположить, что эпоха цифровой культуры бесплотных битов заканчивается и начинается новая эпоха конструирования гибридов и новых вариантов плоти – эпоха искусственной жизни. Гибридизация является одним из симптомов этих исторических трансформаций. Ученые и художники образуют авангард этой постгуманистической гонки, и потому рождение science art не выглядит случайным, а лишь подтверждает общую логику. Но что приводит все это в столь неумолимое движение?

В знаменитой повести русского писателя Михаила Булгакова «Собачье сердце» рассказана история, вдохновением для которой послужили работы Воронова и Иванова. Писатель поведал пророческую историю о сотворении искусственной жизни на основе науки и медицинской инженерии. Главный герой – профессор Преображенский, убежденный поборник евгеники – пересаживает гипофиз человека в мозг собаки, в результате чего пес превращается в человека и становится активным участником большевистского преобразования общества, руководя зачисткой города от бездомных животных (сюжет повести разворачивается в послереволюционной России).

Герой Булгакова демонстрирует целый набор симптомов модернистской науки, из которых формируется синдром научного и технологического креационизма (мы можем назвать его «синдромом Преображенского»). Эта симптоматика обнаруживает своего рода научное бессознательное: стремление уподобиться божественному знанию и созидательной силе творца, породившего все живое. В науке XX в. синдром Преоб-

раженского проявлялся постоянно – от кибернетики до генетической инженерии, молекулярной и синтетической биологии. С нашей точки зрения, именно синдром Преображенского сближает современное искусство и науку в стремлении породить искусственную жизнь. Неслучайно первые опыты кибернетического искусства известный американский искусствовед Джек Бернем еще в 1970-х гг. охарактеризовал как стремление художников создать искусственную жизнь [9].

Художественные формы изучения и конструирования гибридов искусственной жизни заставляют обра-

титься к онтологической и этико-философской проблематике. Во-первых, возникает вопрос об онтологическом статусе ИЖ-гибридов относительно жизни натуральной: должны ли мы уравнивать и на каких основаниях природное и искусственное? Существует ли жесткая граница между естественной жизнью и искусственной, и где эту границу можно провести? Какими могут быть интерфейсы между ними? В конечном итоге, не является ли понятие о жизни скорее этическим, чем биологическим, и потому может быть изучено и определено только в гибридных форматах, подобных science art?

ЛИТЕРАТУРА

1. *McLuhan M.* Understanding Media. 2 edition. Routledge, 2001.
2. *Haraway D.* A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century. Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. N.Y. : Routledge, 1991.
3. *Россианов К.О.* Опасные связи: И.И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 1. С. 3–51.
4. *Шушкин О.* Красный Франкенштейн. Секретные эксперименты Кремля. М. : Ультра Культура, 2003.
5. *Dr. Serge Voronoff Life.* A Study of the Means of Restoring Vital Energy and Prolonging Life. N.Y. : E.P Dutton and Company, 1920.
6. *Stelarc: The Monograph* (Electronic Culture: Theory, History and Practice). MIT Press, 2007.
7. *Камтс О.* Фрагменты конструирования жизни – влажная палитра тканевой инженерии // Biomediale. Современное общество и геномная культура. Государственный центр современного искусства (Калининградский филиал). Калининград : Янтарный спас, 2004. С. 412–422.
8. *Эволюция от кутюр: искусство и наука в эпоху постбиологии.* Т. 1: Практика / под ред. Д. Булатова. Калининград, 2009.
9. *Burnham J.* Beyond Modern Sculpture: The Effects of Science and Technology on the Sculpture of This Century. 4th Edition. N.Y. : George Braziller, 1975.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 10 февраля 2013 г.